

УДК 811.161.1'37

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

© 2019 г.

Чанг Чинг-гво

Тамканский университет, Тайвань

114804@mail.tku.edu.tw

Поступила в редакцию 17.11.2018

Представлено сопоставительное лингвокогнитивное описание концептуального содержания и языкового воплощения уникального русского культурного концепта ЛЮБОВЬ и соответствующего ему китайского культурного концепта. Материал для исследования – данные основных русских и китайских словарей. Как для русского концепта, так и его китайского эквивалента характерен достаточно широкий и неопределенный охват объектов и ситуаций, которым можно предцифровать понятие *любить*. Показано, что в принципе все смысловые компоненты русского концепта ЛЮБОВЬ имеются в его китайском аналоге, но реализованы в разных, не соотнесенных по смыслу и исторически словах, что связано с различиями по степени дифференцированности концептуального пространства, по характеру чувства, по интенсивности проявления чувства, а также по типу объектов, на которые это чувство направлено. В русском концепте ЛЮБОВЬ актуален духовный, «небесный» компонент, тогда как в китайском аналоге воплощено главным образом «земное» начало.

Ключевые слова: концепт «любовь», сопоставительный лингвокогнитивный анализ, лингвокультурология, русский язык, китайский язык.

Введение

Исследования, посвященные языковому воплощению ключевых идей и представлений национальной культуры, в наши дни переживают период значительной активизации. Это связано со становлением так называемой лингвокультурологической парадигмы в гуманитарном знании [1; 2; 3]. Как пишет В.Н. Телия, большинство языковых значений так или иначе соотнесены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [2, с. 219 и далее]. В центре исследовательского внимания в этой связи находятся «культурные концепты» [1], или «лингвокультурные концепты» [4]. Изучение именно языкового выражения круга значимых для того или иного этноса идей и ценностей позволяет объективно судить о национальном своеобразии «языковой картины мира» этноса, о специфике отношения к миру и моделям поведения, присущих данной культуре [5]. Значимым научным инструментарием для исследований подобного рода является сопоставительное изучение разных языковых картин мира, которое позволяет объективно верифицировать наличие существенных сходств или, наоборот, различий именно в языковом выражении важных для этноса культурных смыслов.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу одного из базовых эмоциональ-

ных «культурных концептов», отражающих внутренний мир человека, а именно концепта ЛЮБОВЬ.

Итак, эмоциональная система – одна из самых сложных систем человека. Так, исследователи А. Ортони, Дж. Клоур и А. Коллинз, занимаясь вопросами психической структуры эмоций, исходят из того, что эмоции являются не реакцией на саму действительность, а вытекают из способов восприятия мира людьми и их толкований [6, с. 142]. Так, человек, общаясь, наблюдая, по своему осознает те или иные события, пропускает через себя, оценивает их, проявляет ту или иную эмоцию.

Одно из самых значимых чувств во внутреннем мире человека – чувство *любви*. Именно оно является как бы мерилем всех остальных чувств человека как наиболее важное и показательное для характеристики его внутреннего мира. Не случайно синонимические ряды в разных языках разработаны наиболее детально, с учетом тончайших оттенков смысла, ассоциативных нюансов и коннотаций, и при этом реализация понятия ЛЮБОВЬ в разных языках мира имеет свою ярко выраженную национальную специфику. Это обусловлено тем, что в каждой культуре складываются свои жизненные установки и поведенческие стереотипы, связанные с точкой зрения на любовь.

Цель исследования – комплексное описание содержательных и структурных особенностей

вербального воплощения концепта ЛЮБОВЬ в русской и китайской картинах мира.

Методологической базой исследования является лингвокультурологический подход, разработанный в трудах [2–5; 7; 8; 9 и др.]. Именно лингвокультурологические исследования концептов национальной культуры в наши дни являются надежным средством реконструкции культурно-значимого содержания, стоящего за словами и выражениями, моделями и категориями национального языка.

Конкретным методом, использованным в работе, является метод сопоставительного лингвокогнитивного анализа языковой объективации концепта в парадигматических, синтагматических и деривационных связях и отношениях, в ассоциативном и коннотативном потенциале сравниваемых единиц и пр.

Материал для исследования – данные основных русских и китайских толковых словарей [12–20].

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании русского языка как иностранного для китайских аспирантов и студентов как в Китае, так и в России. Полученные данные также могут быть применены для теории и практики создания словарей нового типа – словарей концептов (в том числе двуязычных) и лингвокультурных тезаурусов.

1. Концепт ЛЮБОВЬ в русской лингвокультуре

Концепт ЛЮБОВЬ в русской языковой картине мира занимает совершенно особое место, являясь частью знаменитой триады ВЕРА – НАДЖДА – ЛЮБОВЬ, воплощающей триединство главных психических состояний для русского человека. Имя *Любовь*, наряду с *Верой* и *Надеждой*, – одно из распространенных русских имен.

В своем словаре «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов справедливо утверждает, что «русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты. Это такие концепты, как «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Страх», «Любовь», «Вера» и т. п.» [9, с. 7]. Т.Б. Радбиль в этой связи пишет: «Многие русские и зарубежные авторы в разные эпохи и независимо друг от друга отмечают особый «вселенский» характер русского понятия *любовь*, которое объемлет все в мире и не имеет ярко выраженного сексуального характера:

вполне по-русски звучит, например, *я люблю конфеты*, тогда как по-английски это звучало бы несколько странно, как если бы говорящий отнесся к конфетам с тем же чувством, с каким обычно относится к женщинам или к детям (по-английски здесь как нейтральное возможно только *I like* ‘мне нравится’)» [10, с. 248]. Представление о любви как о высшей духовной ценности для русских разделяет и С.Г. Воркачев, обращая внимание на исключительную сложность и противоречивость концептуального содержания ЛЮБВИ, отраженного, например, в русских пословицах: «Любовь не зависит от нашей воли, от неё нельзя спрятаться, она человека ослепляет, она же делает его пронизательным. Любовь – высшее благо и наслаждение, в то же самое время она страдание и беспокойство, а для кого-то и зло. Хотя она надолго запоминается, она недолговечна. Разлука у кого-то любовь укрепляет, у кого-то – губит. Одной красоты, даже естественной, для любви недостаточно, нужна еще и духовная близость» [4, с. 71].

Эти ценные наблюдения также подтверждаются и данными основных русских словарей для существительного *любовь* и для глагола *любить*, которые указывают такие значения – обобщение проведено по лексикографическим источникам [2; 15–19].

ЛЮБОВЬ: (1) Чувство глубокой привязанности, преданности кому-, чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п. (*любовь к Родине*); (2) Чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п. (*любовь к матери*); (3) Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола (*любовь к женщине*); (4) *Перен.* О человеке, внушившем такое чувство (*Это моя любовь!*); (5) Внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо (*любовь к театру, к жизни*); (6) Пристрастие к чему-либо; предпочтение чего-либо (*любовь к сладкому*); (7) *С отвлеч. суц.* Сильное стремление к чему-либо.

ЛЮБИТЬ: (1) Чувствовать глубокую привязанность, преданность к кому-, чему-либо, основанные на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п. [= любовь (1)]; (2) Чувствовать склонность, привязанность к кому-либо, вытекающие из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п. [= любовь (2)]; (3) *Чувствовать горячую сердечную склонность, влечение к лицу другого пола* [= любовь (3)]; (4) Чувствовать внутреннее влечение, внутреннюю склонность, тяготение к чему-либо [= любовь (5)]; (5) Испытывать удоволь-

ствие (от созерцания, ощущения чего-либо) (*Люблю тебя, Петра творенье...*); (6) Иметь пристрастие к чему-либо; отдавать предпочтение [= любовь (6)] / то же — с инфинитивом (*люблю учиться*); (7) Быть довольным чем-либо, испытывать удовлетворение от чего-либо (*Я диких песен не люблю. Пушкин. Цыганы*); (8) Ценить, признавать что-либо (любить в к.-л. ч.-л.); (9) Предпочитать что-либо как наилучшее условие своего существования, обитания. О животных, растениях (*Птиц почти не было слышно — они не любят больших лесов*).

Уже эти данные показывают широкий разброс приложения чувства любви и действия по глаголу *любить* в «русском мире». Речь вообще идет о любовном отношении к миру в целом. Т.Б. Радбиль пишет: ««Особое «любовное» отношение к миру проявляется в непереводаемом русском глаголе *любоваться*, которое в общем означает заинтересованное и полное добрых чувств внимание к любому объекту наблюдения (здесь проявляется отмечаемая А. Вежицкой характерная для русских установка на эмпатию, этически окрашенное отношение к миру, сопереживание всему сущему) [8]. Характерно, что этимологически — общий корень с *любовь* имеет и местоименное прилагательное *любой* (т.е. всякий, каждый)» [10, с. 248].

Предельно широкий охват русского чувства любви подтверждает и уникальное в сравнении с другими лингвокультурами представление любви в связи с понятиями *страдать* и *жалеть*. Так, в монографии С.Г. Воркачева «Любовь как лингвокультурный концепт» прямо указывается на включение в концептуальное содержание любить понятий *жалеть* и *терпеть* [4]. Также и «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой прямо указывает глаголы *жалеть* с пометой *прост.* и глагол (*не*) *жаловать* с пометами *разг.*, *шутлив.*, а также *страдать по ком (прост.)* в синонимическом ряду *любить* [21]. Идея страдания и особенно жалости значительно расширяет в русском языке область семантики, заданную глаголом *любить*.

В народном разговорном обиходе издавна слово *страдать* имеет значение *любить* (ср. жанр любовной частушки — «страдание»). Одна из сочетаемостных способностей слова (*страдать (от чего? по какой причине?) от любви*) стала основным лексическим значением слова. В данном значении слово повсеместно употребляется в говорах русского языка. В значении «ухаживать за кем-либо; находиться в близких отношениях с кем-либо». И в литературном языке семантическая связь понятий *страдание* и *любовь* очень сильна — неразделенную, трагическую любовь можно без ущерба

для смысла назвать страданием. Эту семантическую связь в русском языке обуславливает и наличие модели *страдать по* в значении «тосковать, томиться», когда объединяются значения объекта и причины. Соотношение понятия *любить* с *жалеть* вообще является уникальным для русской культуры — ср. многочисленные пословицы и поговорки типа *жалееет — значит любит*. Идея жалости включает понятие любви в высокий контекст милосердия, милости, альтруизма, значимый для русской культуры. Любовь — это не эгоистическое чувство, оно включает в себя понятия сочувствия, сопереживания, сострадания к объекту этого чувства. За счет компонента «сострадание» в русском концепте ЛЮБОВЬ как раз и сближаются семантические признаки «жалеть» и «страдать».

В концепции О.А. Корнилова это свойство русского концепта ЛЮБОВЬ связывается с максимально обобщенной дистрибуцией этого понятия — возможностью распространять его на самые разные объекты и сферы: «Русский глагол *любить* имеет максимально обобщенное, недифференцированное значение, что проявляется в практическом отсутствии ограничений в области дистрибуции: этот глагол может использоваться в максимально широком спектре ситуаций по отношению к объектам самых разных классов. Вполне нормальны для носителя русского языка следующие фразы: *я люблю свою Родину, я люблю своих родителей, я люблю свою жену, я люблю эту девушку, я люблю кататься на лыжах, я люблю апельсиновый сок*. Очевидная разнородность объектов, относительно которых говорящий высказывает свое отношение, а также вполне понятное различие семантического наполнения одного и того же глагола в каждой из фраз не вызывают у носителя русского языкового сознания ни внутреннего протеста, ни недоумения» [11, с. 188–189].

Таким образом, концепт ЛЮБОВЬ в русском языке представляется всеобъемлющим максимально одухотворенным чувством, пронизанным любовью к Богу и любовью к ближнему как высшими воплощениями этого чувства. Это самое главное для человека внутреннее состояние, охватывающее всего человека: и ум, и сердце, и тело, в нем очень силен религиозно-христианский компонент значения (*любовь к Богу, христианская любовь*), который сохраняется даже в бытовых словоупотреблениях.

2. Русский концепт ЛЮБОВЬ и китайский концепт 愛情 [АЙ-ЦИН] в аспекте русско-китайских лингвокультурных соответствий

В языковом воплощении концепта ЛЮБОВЬ разные языковые картины мира обнаруживают

значительные расхождения, связанные со степенью дифференцированности концептуального пространства, с характером чувства, с интенсивностью проявления чувства, а также с типом объектов, на которые это чувство направлено. В этом плане у русского языка есть определенное сходство с китайским, в котором имеется корень 愛 [АЙ4]*, включающий в себя наибольший объем значений. Так, в глагольном употреблении это слово воплощает в себе такие смысловые компоненты, как «любить (в том числе Родину, народ)», «любить человека другого пола», «обожать к.-л. или ч.-л.» и даже «жадничать» [13; 14; 20]. На определенное сходство русского и китайского концепта по предельно широкому объему указывает и О.А. Корнилов: «Русский язык предлагает наименьшую дифференциацию рассматриваемого концепта, в этом он обнаруживает сходство с концептом китайского языка АЙ, который также используется в самом широком спектре ситуаций и применительно к любым объектам, противопоставляясь по «степени симпатии к объекту» концепту ХУАНЬ (нравиться)» [11, с. 189].

В китайской лингвокультуре, как и в русской, видимо, любовь также не носит сексуального характера, что отмечает Тань Аошуан: «В традиционном Китае любовь между мужчиной и женщиной – это табу. В значительной мере она компенсируется сексом и эротикой, которые могут существовать отдельно от любви» [22, с. 256]. В этом плане как семантическая калька с западных языков выглядит современное русское идиоматичное выражение *заниматься любовью*: в русском мире ценностей любовью нельзя «заниматься» (как объектом действия), ее можно только переживать как особое интенциональное состояние. Точно такой же вывод по поводу китайского языка делает и Тань Аошуан: «Выражение *zhuo ai* «заниматься любовью» является недавней калькой с английского *to make love*, заменившей традиционное *yun yu zhi shi* «дело облака и дождя»» [22, с. 156].

Если по объему концептуального содержания действительно усматривается определенная аналогия, то по качественной специфике в русской и китайской лингвокультурах имеются все же существенные концептуальные различия. Вообще понятия ЛЮБОВЬ в европейском смысле слова в китайской традиционной культуре не было. Так, в китайском языке русскому субстантиву *любовь*, по мнению китайского исследователя Тань Аошуан, больше всего соответствует образование из двух корней 愛情 [АЙ4-ЦИН2]. Само это сочетание появилось лишь в начале XX в. вместе с переводами европейской литературы и зарождением литературы

на современном обиходном языке байхуа. «А такой срок ничего не значит для цивилизации, насчитывающей историю в несколько тысяч лет. Тем не менее оба компонента этого сочетания – и АЙ, и ЦИНЬ – представляют собой исконные китайские слова и понятия» [22, с. 148].

Тань Аошуан указывает, что в сферу АЙ входят «уважение», «радость», «обожание», «тоска», «жалость» [22, с. 148]. Последние компоненты связывают китайское восприятие любви с русской (за счет общих смысловых элементов *жалеть* и *страдать*). Также с русским ЛЮБОВЬ китайское АЙ сближается за счет расширительного употребления в значении «добро, благодеяние»: как и его русский аналог, метонимически это слово обозначает «любимый человек или вещь», а как прилагательное АЙ означает *любимый* в отношении близких родственников и *возлюбленный* в отношении лиц другого пола.

В сферу 情 [ЦИН2] входят значения «дружба», «секс», «судьба», «болезнь», «обида» [22, с. 148]. Современные китайские словари акцентируют внимание на таких смыслах корня, как «чувства, эмоции; настроение», «страсть», «чувственное влечение», а также метафорическое – «положение, обстановка; обстоятельство» [13; 14; 20]. Таким образом, смысловые компоненты русского ЛЮБОВЬ, связанные с сильным чувством, влечением, со страстью, вербализуются уже в другом китайском корне, который, правда, может находиться в составе сложного слова АЙ-ЦИН вместе с первым корнем – АЙ.

На другом полюсе интенсивности (меньшая интенсивность) находится синоним 歡 [ХУАНЬ1], который в целом соотносится с английским *to like* и русским *нравиться* [13; 14; 20]. Однако отметим, что русское *любить* также имеет значения, выражаемые глаголом *нравиться*, т. е. как бы включает в себя семантику *нравиться*: (4) Чувствовать внутреннее влечение, внутреннюю склонность, тяготение к чему-либо [= любовь (5)]; (5) Испытывать удовольствие (от созерцания, ощущения чего-либо) (*Люблю тебя, Петра творенье...*) [12; 18]. Для ХУАНЬ в роли прилагательного также имеются компоненты смысла, связанные с общим положительным чувством радости – «радостный, веселый», а также «дружный» как результат сходного с любовью, но не тождественного ей чувства дружбы. Так же и в роли обращения – если АЙ примерно соответствует русскому *любимый/любимая, возлюбленный мой/возлюбленная моя*, то ХУАНЬ ближе к *милый/милая*. Таким образом, китайский концепт любви все же имеет меньший объем, чем русский ЛЮБОВЬ, так как распределен, как минимум, между тремя корнями.

Но наибольшая качественная специфика проявления любви в китайской лингвокультуре имеется, на наш взгляд, в четвертом китайском корне, также соотносимом с рядом значений русского *любить/любовь*. Это глагол 喜 [СИЗ], который по степени интенсивности занимает, так сказать, промежуточное положение между АЙ и ХУАНЬ. Можно сказать, СИ – это «очень нравится», т.е. испытывать определенное приятное состояние, что отражено в другом значении «быть радостным». Не случайно при употреблении в роли существительного для этого корня на первый план выходит значение «радость, счастье». А в роли прилагательного СИ – это тоже «радостный» и в суженном значении – «свадебный» [13; 14; 20].

Здесь мы можем видеть существенное концептуальное расхождение с ассоциативно-смысловым рядом русского *любовь*. Русский концепт ЛЮБОВЬ, как было показано ранее, имеет обязательный выход в духовное измерение, что метафорически концептуализируется в связи с понятиями *верх* и *свет* (*высокое чувство, светлая любовь*). Китайский концепт также ориентирован на положительное чувство, но это чувство имеет более «земной» оттенок.

Выводы

В целом сопоставление лексем, объективирующих концепт ЛЮБОВЬ, показало, что в русской лингвокультуре, как и в китайской, наблюдается достаточно широкий и неопределенный охват объектов и ситуаций, которым можно предидировать понятие *любить*. Как и русская лексема *любить*, китайский корень АЙ включает в семантический объем компоненты 'жалеть' и 'страдать'. Также имеется определенное сходство в концептуальной антиномии любви и чувственного влечения. В русском языке любовь имеет асексуальный характер. В китайском языке можно в этом плане также отметить параллельное существование любви и сексуального влечения (в целом они не имеют отношения друг к другу).

При этом можно отметить и значительные концептуальные расхождения. Так, в русской лингвокультуре неактуален семантический признак «получение удовлетворения, удовольствия от обладания объектом любви», тогда как в китайской лингвокультуре этот признак отражен в переносном значении глагола АЙ – «жадничать». В русском концепте ЛЮБОВЬ актуален духовный компонент и нейтрализован плотский компонент чувства (ассоциативно-смысловая связь с понятиями *верх*, *свет*). Китайский концепт также ориентирован на положительное

чувство, но это чувство имеет более «земной» оттенок (ассоциативно-смысловая связь с понятиями *верх*, *свет*). Вообще говоря, для китайской лингвокультуры, в отличие от русской, в языковом воплощении концепта ЛЮБОВЬ можно видеть определенное акцентирование 'чувства приятного' и концентрацию на самом субъекте переживания этого чувства, тогда как в русском варианте можно видеть установку на эмпатию, на близость между людьми на духовной и/или эмоциональной основе и на учет позиции другого – объекта переживания любви (*жертвенная любовь*).

Примечание

* Здесь и далее цифровой индекс в транскрипции китайских слов обозначает тон ударения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. науч. тр. ИЯ АН СССР / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 3–5.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
3. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотношения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 592 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
4. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: Монография. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
5. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
6. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект: пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1995. С. 314–384.
7. Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. М.: Наука, 1991. 203 с.
8. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академпроект, 1997. 989 с.
10. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2016. 328 с.
11. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 6.
13. Большой толковый словарь китайского языка / Под ред. Линь-и, Гао-мин. Тайбэй: Университет китайской культуры, 1982.

14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Ло Чжу-фэн. Шанхай: Шанхай Цы-шу, 1986.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 14-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1993.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 1.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рипол-Классик, 1999. Т. 3.
18. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотипн. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2.
19. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1.
20. Исправленный толковый словарь китайского языка [Электронный ресурс] / Под ред. Сюй Сюе-жэнь. Тайбэй: М-во образования Тайваня, 2015. Режим доступа: <http://dict.revised.moe.edu.tw/cbdic/search.htm>
21. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1999. 568 с.
22. Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

CONTRASTIVE LINGUO-CULTUROLOGICAL DESCRIPTION OF THE CONCEPT «L'UBOV'» («LOVE») IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

Chang Ching-gwo

The article presents a contrastive linguo-culturological description of the content and language objectification of verbal embodiment of the unique Russian cultural concept «l'ubov'» («love») and the corresponding Chinese concept. The study is based on the material of main Russian and Chinese dictionaries. Both Russian and Chinese versions show an extremely wide volume of verbalized spheres, situations and objects towards which the attribute of love can be predicated. Our findings are that all the sense components of the Russian cultural concept «l'ubov'» («love») are mainly presented in Chinese, but they are realized in different words that are unrelated semantically and historically. This is due to the differences in the degree of differentiation of the conceptual space, in the character of the feeling and in the intensity of its manifestation, as well as to the type of objects of this feeling. The Russian concept demonstrates a trend to spiritual, «celestial» dimension, whereas its Chinese analogue is mainly intended for «earthly» embodiment.

Keywords: the concept «l'ubov'» («love»), contrastive linguo-cognitive analysis, linguo-culturology, Russian language, Chinese language.

References

1. Arutyunova N.D. Ot redaktora: Vstupitel'naya stat'ya // Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye koncepty: Sb. nauch. tr. IYa AN SSSR / Otv. red. N.D. Arutyunova. M.: Nauka, 1991. S. 3–5.
2. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt. M.: Shkola «Yazyki russoj kul'tury», 1996. 288 s.
3. Radbil' T.B. Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya. M.: Izdatel'skij dom YaSK, 2017. 592 s. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura.)
4. Vorkachev S.G. Lyubov' kak lingvokul'turnyj koncept: Monografiya. M.: Gnozis, 2007. 284 s.
5. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevye idei russoj yazykovoj kartiny mira: Sb. st. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 544 s.
6. Ortoni A., Klour Dzh., Kollinz A. Kognitivnaya struktura ehmcij // Yazyk i intellekt: per. s angl. i nem. / Sost. i vstup. st. V.V. Petrova. M.: Progress, 1995. S. 314–384.
7. Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye koncepty: Sb. nauch. trudov / Otv. red. N.D. Arutyunova; IYa AN SSSR. M.: Nauka, 1991. 203 s.
8. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / Otv. red. i sost. M.A. Krongauz. M.: Russkie slovori, 1996. 416 s.
9. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russoj kul'tury. Opyt issledovaniya. M.: Akademproekt, 1997. 989 s.
10. Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: Ucheb. posobie. 4-e izd. M.: Flinta; Nauka, 2016. 328 s.
11. Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: CheRo, 2003. 349 s.
12. Slovar' sovremennogo russoj literaturnogo yazyka: V 17 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950–1965. T. 6.
13. Bol'shoj tolkovyj slovar' kitajskogo yazyka / Pod red. Lin'-i, Gao-min. Tajbehj: Universitet kitajskoj kul'tury, 1982.
14. Tolkovyj slovar' russoj yazyka / Pod red. Lo Chzhu-fehn. Shanhaj: Shanhaj Cyshu, 1986.
15. Ozhegov C.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russoj yazyka. 14-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1993.
16. Tolkovyj slovar' russoj yazyka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Terra, 1996. T. 1.
17. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussoj yazyka. V 4 t. M.: Ripl-Klassik, 1999. T. 3.
18. Slovar' russoj yazyka: V 4 t. / РАН, In-т лингвистич. issledovaniy; Pod red. A.P. Evgen'evoj. 4-e izd., stereotipn. M.: Russkij yazyk; Poligrafresursy, 1999. T. 2.
19. Efremova T.F. Novyj tolkovno-slovoobrazovatel'nyj slovar' russoj yazyka. V 2 t. M.: Russkij yazyk, 2000. T. 1.
20. Ispravlennij tolkovyj slovar' kitajskogo yazyka [Elektronnyj resurs] / Pod red. Syuj Syuezhenn'. Tajbehj: M-vo obrazovaniya Tajvany, 2015. Rezhim dostupa: <http://dict.revised.moe.edu.tw/cbdic/search.htm>
21. Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russoj yazyka. M.: Russkij yazyk, 1999. 568 s.
22. Tan' Aoshuan. Kitajskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost'. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 240 s.